

Областное научное общество учащихся
«Поиск»

МОУ «Заливинская средняя школа»
Тарского муниципального района
Омской области

Конкурс «Россия и Польша: свои или чужие»

Тема: **«Страшная реальность войны».**

Выполнила: Красноперова Мария, 10 класс

Руководитель: Зуева Лариса Владимировна
учитель истории

646519
Омская область
Тарский район
с. Заливино
ул. Школьная, 2

План

1. Вступление
 - Нападение Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны.
2. Основная часть
 - Концлагерь на территории Польши Майданек
Историческая справка об основании лагеря.
 - Расположение и система лагеря.
 - Условия содержания заключенных.
 - Воспоминания заключенных.
 - Попытки бегства узников.
 - Наступление Красной Армии и освобождение заключенных.
3. Краткие итоги Второй мировой войны.

Введение

«Война - страшнее нету слова...»

Нападение Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны.

Ранним утром 1 сентября 1939 г. войска фашистской Германии без объявления войны начали вторжения на Польшу. С трех направлений: запада, севера и юга – на Польшу ринулись 5 немецких армий. Вопреки ожиданиям Гитлера союзники Польши, Великобритания и Франция, 3 сентября объявили войну Германии. В войну вступили доминионы и колониальные владения Англии и Франции. Вторая мировая война началась. Польские войска мужественно сражались. Но небольшая и слабо вооруженная польская армия не могла противостоять немецким танковым и моторизованным дивизиям, подержанным мощной авиацией. Через две недели после начала войны армия Польши была разбита.

В этот момент Советский Союз, как предполагалось секретным протоколом к договору 23 августа 1939 г., выступил против Польши. 17 сентября 1939 г. советские войска, не встретив серьезного сопротивления, выступили в восточные районы Польши. Более 200 тыс. польских солдат и офицеров оказались в советском плену. Весной 1940 г. более 20 тыс. из них были тайно расстреляны органами НКВД в районе Катыни (около Смоленска) и в других местах.

28 сентября 1939 г. в Москве был подписан германо-советский договор о дружбе и границе, который закрепил совместные действия Германии и СССР в Восточной Европе.

Польское государство ликвидировалось. Западная Украина и Западная Белоруссия отошли к СССР, а польские земли, граничившие с Германией, были объявлены немецким генерал-губернаторством, управляемым из Берлина.

Под пятой гитлеровской Германии и Италии оказалось 12 европейских государств. Фактическое установление оккупационных или марионеточных режимов, подчинение экономики целям войны было только частью планов фашистской Германии по установлению «нового порядка» в Европе и мире. Эти планы предусматривали (и начали практически осуществляться) создание для арийцев как «высшей расы» нового социально-экономического строя, а для других народов – ликвидацию демократических прав и свобод, установление режима беспрекословного подчинения, системы рабского труда, уничтожение политических противников и «неполноценных» народов

(евреев, цыган и др.). Геноциду подвергались славянские народы, а их территории намечались к колонизации арийцам. Фабриками смерти стали концентрационные лагеря (Аушвиц (Освенцим) , Трешлинка, Майданек, Бухенвальд, Дахау и др.). В них было уничтожено 6 млн. евреев, 10 млн. украинцев, русских, поляков и всех тех, кого нацисты считали «неполноценными». Народы Европы не мирились с фашистским террором и уничтожением демократии. Движение Сопротивления в европейских странах стало составной частью боевых сил антифашистской коалиции.

Приказ о создании лагеря был дан 20 июля 1941 года Одило Глобочнику Генрихом Гиммлером во время его визита в Люблин. В распоряжении речь шла о создании концентрационного лагеря, рассчитанного на 25—50 тыс. заключённых, которым надлежало работать над постройкой зданий для СС и полиции. На самом деле лагерь строился под руководством инженера, офицера СС Ганса Каммлера. 22 сентября 1941 года Каммлер дал распоряжение о постройке части лагеря, рассчитанной на 5 тыс. заключённых. После захвата огромного числа советских военнопленных в окружении под Киевом, планы были изменены Каммлером 27 сентября 1941 года: «Согласно распоряжению из Берлина в Люблине и Аушвице нужно немедленно создать лагеря для военнопленных, рассчитанные на 50 тыс. каждый...»

Лагерь на Майданеке

1

Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить.

Ветер с Майданека приносил в город ужас. Из высокой трубы крематория в лагере круглые сутки валил черный, смрадный дым. Дым относилось ветром в город. Над люблинцами нависал тяжкий смрад мертвечины. К этому нельзя было привыкнуть.

"Печами дьявола" звали поляки печи крематория на Майданеке и "фабрикой смерти"- лагерь.

Немцы не стеснялись в своем генерал-губернаторстве -в Польше. Они даже желали, чтоб поляк повседневно дышал запахом смерти, - ужас умиротворяет строптивные души. Весь Люблин знал о фабрике смерти. Весь город знал, что в Крембецком лесу расстреливают русских военнопленных и заключенных поляков из Люблинского замка. Все видели транспорты обреченных, прибывающих из всех стран Европы сюда, в лагерь. Все знали, какая судьба ждет их: газовая камера и печь.

Ветер с Майданека стучал в окна: поляк, помни о печах дьявола, помни о смерти! помни, что у тебя нет жизни,- есть существование, временное, непрочное, жалкое. Помни, что ты только сырье для печей дьявола. Помни и трепещи!

Трупный запах стоял над Люблином. Трупный запах висел над Польшей. трупный запах подымался над всей замордованной гитлеровцами Европой.

Трупным запахом хотели оккупанты удушить людей и управлять миром.

2

"Дахау №2 "- так сначала называли фашисты концентрационный лагерь войск СС под Люблином. Потом они отбросили это название. И по своим размерам, и по размаху « производства смерти» лагерь на Майданеке давно превзошел страшный лагерь в Дахау.

Мы нашли здесь пленников Дахау, Бухенвальда, Освенцима.

-Здесь страшнее! – говорят они. – О, здесь!...

На двадцать пять квадратных километров раскинулась эта фабрика смерти со своими агрегатами: полями заключения, межполями, газовыми камерами, крематориями, рвами, где расстреливали, виселицами, где вешали, и публичным домом для обслуживания немецкой охраны лагеря.

Лагерь расположен в двух километрах от Люблина, прямо у шоссе Люблин – Хелм. Его сторожевые вышки видны издалека. Его бараки – все одинаковые – выстроены в ряд с линейной точностью. На каждом – четкая надпись и номер. Вместе они образуют «поле» .Всего в лагере шесть полей, и каждое – особый мир, огражденный проволокой от другого мира. В центре каждого поля – аккуратная виселица для публичной казни. Все дорожки в лагере замощены. Трава подстрижена. Подле домов немецкой администрации – цветочные клумбы и кресла из необструганной березы для отдыха на лоне природы.

В лагере есть мастерские. Склады – враги называли их магазинами, - водопровод, свет. Есть магазин, где хранился в банках «циклон» для газовых камер. На банках желтые наклейки: «специально для восточных областей» и «вскрывать только обученным лицам». Есть мастерская, где делают вешалки. На них значок СС. Эти вешалки выдавались заключенным перед « газованием ». Обреченный сам должен был повесить свое платье на свою вешалку.

На полях лагеря буйно цветет капуста. Пышная, грудастая . На нее немислимо смотреть. Ее нельзя есть. Она возвращена на крови и пепле. Пепел сожженных в крематориях трупов разбрасывался гитлеровцами по своим полям. Пеплом человеческим удобряли огороды.

Весь лагерь производит впечатления фабрики или большого пригородного хозяйства. Даже печи крематория кажутся, - если не слышать трупного запаха, - маленькими электропечами для варки стали. Германская фирма, изготовившая эти печи, предполагала в дальнейшем усовершенствовать: пристроить змеевик к печам для того, чтобы всегда иметь бесплатную горячую воду.

Да, эта фабрика, - немыслимая, но реальная, - фабрика смерти. Комбинат смерти. Здесь все – от карантина до крематория – рассчитано на уничтожение людей. Рассчитано с циркулем и линейкою, начертано на кальке, проконсультировано с врачами и инженерами, словно речь шла о бойне для скота.

Гитлеровцам не удалось при отступлении уничтожить лагерь. Они успели только сжечь здание крематория, но печи сохранились. Уцелел стол, на котором палачи раздевали и рубили жертвы. Сохранились полуобгоревшие скелеты в «складе трупов». До сих пор стоит над крематорием страшный запах мертвечины.

Сохранился весь лагерь. Газовые камеры. Браки. Склады. Виселицы. Ряды колючей проволоки с сигнализацией и дорожками для собак. Остались в лагере и собаки – немецкие овчарки. Они исподлобья глядят из своих будок, и, может быть, скучают без дела. Им не надо теперь никого рвать и хватать.

Спасены уцелевшие в лагере заключенные. Есть свидетели, их много. Схвачены палачи.

Мы говорили и с теми, и с другими, и с третьими.

-Это я пережил!- говорит спасенный и сам удивляется тому, как он сумел все это пережить.

-Я это видел! – говорит свидетель и сам удивляется: как же он не сошел с ума, увидев то, что он видел?

-Мы это делали, - тупо признаются палачи.

Каждое слово из того, что будет рассказано дальше, можно подтвердить документами, показаниями свидетелей, признаниями самих немцев.

Уже можно приподнять завесу над Майданеком и поведать всему миру страшную повесть о Люблинском лагере- «лагере для уничтожения».

3

Лагерь для уничтожения. Фернихтунгслагерь.

Международный лагерь смерти.

На воротах его можно было бы высечь надпись: «Входящий сюда, оставь все надежды. Отсюда не выходят».

Из всех стран оккупированной Европы приходили сюда транспорты обреченных на смерть. Их оккупированных районов России и Польши, из Франции, Бельгии и Голландии, из Греции, Югославии и Чехословакии, из Австралии и Италии, из концентрационных лагерей Германии, из гетто Варшавы и Люблина прибывали сюда партии заключенных. Для уничтожения.

То, что фашистам неудобно было делать на Западе или даже в самой Германии, можно было свершать здесь, в далеком восточном углу Польши. Сюда пригоняли на смерть всех, кто выжил, выстоял, вынес каторжные режимы Дахау и Флоссенбурга. Все, что еще жило, дышало, ползало, но уже не могло работать. Все, что боролось и сопротивлялось захватчиками. Все, кого гитлеровцы осудили на смерть. Люди всех национальностей, возрастов, мужчины, женщины и дети. Поляки, русские, евреи, украинцы, белорусы,

литовцы, латыши, итальянцы, французы, албанцы, хорваты, сербы, чехи, норвежцы, немцы, греки, голландцы, бельгийцы. Женщины из Греции, остриженные наголо, с номерами, вытатуированными на руке. Слепые мученики подземного лагеря завода «Дора», где производились «ФАУ-1» - самолеты-снаряды. Политические заключенные с красными треугольниками на спине, уголовники с зелеными, «саботажники» с черными, сектанты с фиолетовыми, евреи с желтыми. Дети от грудных до подростков. Те, кому не было еще восьми лет, находились при родителях. Восьмилетние же «преступники» заключались в общие бараки. Совершеннолетие в лагерях смерти наступает очень рано.

Сколько стен тысяч было уничтожено в этом международном лагере смерти? Трудно сказать. Пепел сожженных развеян по полям.

Но сохранился страшный памятник.

На задворках поля за крематорием есть огромный склад. Он весь доверху заполнен обувью, раздавленной, смятой, спрессованной в кучи. Тут сотни тысяч башмаков, сапог, туфель.

Это – обувь замученных.

Крохотные детские ботиночки с красными и зелеными помпонами. Модные дамские туфли. Грубые простые сапоги. Старушечье теплые боты. Обувь людей всех возрастов, состояний, сословий, стран. Изящные туфли парижанки рядом с чоботами украинского крестьянина. Смерть уравнила всех. Вот так же, в общий ров – тело – к телу – ложились умирать владельцы этой обуви.

Страшно смотреть на эту груды мертвой обуви. Все это носили люди. Они ходили по земле. Мяли траву. Они знали: высокое небо над их головою. Эти люди дышали, трудились, любили, мечтали... Они ,были рождены для счастья, как птица для полета.

Откуда свалилась на них коричневая беда? За что скосила их смерть? Вот их нет теперь.... Их пепел развеян.... Только мертвая обувь, раздавленная, растоптанная, кричит, как умеют кричать только мертвые вещи...

Зачем фашисты сохранили этот страшный памятник? Зачем собирали они и хранили обувь в складе?

В дальнем углу барака мы находим ответ. Здесь лежат груды подметок, каблуков, стелек. Все тщательно рассортировано. Каждая партия – отдельно. Все это шло в Германию. Как пепел на поля, как тепло их крематория в змеевик. Кровь на подметках не пахнет.

Нет, только фашисты способны на такое!

4

Заместителем начальника лагеря был эсэсовец Туман. Свидетели рассказывают о нем, что он никогда не расставался с огромной овчаркой. Фашисты любят собак.

Они любят играть с ними, кормить их и ссориться с ними. С собаками у них быстрее находится общий язык. Шеф крематория Мунфельд имел комнатную собачонку. Начальник поля русских военнопленных играл с большим догом. Эсэсовец Туман не пропускал ни одного расстрела, ни одной казни. Он любил лично присутствовать на них. Если автомобиль был доверху набит жертвами, он вскакивал, а подножку и ехал на казнь.

Шеф крематория Мунфельд даже жил в крематории. Трупный запах, от которого задыхался весь Люблин, не смущал его. Он говорил, что он жареных трупов хорошо пахнет.

Он любил шутить с заключенными.

Встречаясь с ними в лагере, он ласково спрашивал:

- Ну как, приятель? Скоро ко мне, в печку? – и, хлопая побледневшею жертву по плечу, обещал: - Ничего, для тебя я хорошо истоплю печку....

И шел дальше, сопровождаемый своей собачонкой.

- Я видел, - рассказывает свидетель Станислав Гальян, житель соседнего села, мобилизованный со своей подводкой на работу в лагерь. – Я сам видел, как обершарфюрер Мунфельд взял четырехлетнего ребенка, положил его на землю, встал ногой на ножку ребенка, а другую ножками взял руками и разорвал, - да, разорвал бедняжку пополам. Я видел это собственными глазами. И как все внутренности ребенка вывалились наружу....

Разорвав малыша, Мунфельд бросил его в печь. Потом стал ласкать свою собачонку.

Впрочем, уезжая из лагеря на новое и более высокое место, Мунфельд не взял с собой собачки. Он нежно простился с ней и бросил ее.... в печь. Он и здесь остался верен своей природе.

Эсэсовец Шоллин, захваченный нами, занимал в лагере скромное место: он был фюрером кладовой. Он принимал одежду новоприбывших заключенных. Он обыскивал голых людей. Заставлял их раскрывать рты. У него были специальные никелированные щипцы, - он вырывал ими золотые зубы. До войны Шоллин был мясником на бойне. Его призвали в армию, потом отпустили: мясники нужны были в Германии на бойнях. В 42-м году его все-таки снова призвали и направили сюда, в лагерь. Теперь мясники нужны были здесь.

Шоллин стоит сейчас перед нами и плачет. Он пойман. Слезы эсэсовца, – какие это отвратительные слезы!

Прежде Шоллин не плакал. Гитлеровцы в лагере на Майданеке любили смеяться и шутить.

Вот одна из их «добрых» шуток.

Эсэсовец подходил к заключенному – любому – и говорил:

- Сейчас я тебя расстреляю!

Заключенный бледнел, но послушно становился под выстрел. Эсэсовец тщательно и долго прицеливался. Наводил пистолет то на лоб, то на сердце, словно выбирал: как лучше убить. Потом отрывисто кричал:

- Пли!

Заключенный вздрагивал и закрывал глаза.

Раздавался выстрел. На голову жертвы обрушивалось что-то тяжелое. Он терял сознание и падал. Когда он через несколько минут приходил в себя, он видел склоненные над ним лица: того, который «расстреливал» его, и того, который незаметно ударил его сзади палкой по голове.

Эсэсовцы хохотали до слез.

- Ты умер! – кричали они своей жертве. – Ты умер и ты теперь на другом свете. Что? Видишь? И на том свете есть мы. Есть СС.

5

Да, они были уверены, эти гитлеровские молодчики, что весь мир земной и весь мир небесный принадлежит им.

Для этого нужно только истребить пол-Европы. Сжечь в крематории.

Они строили лагерь на Майданеке с гигантским размахом, три года. Это была только первая очередь стройки.

Лагерь строили заключенные. Они осушали болото, копали котлованы, рыли канавы.

Они знали, что строят тюрьму для себя. Бараки, чтоб им в них гнить.

Проволочные заграждения, чтоб им не убежать. Виселицы, чтоб их там вешали.

Крематорий, чтоб их там сжигали. Проклятая гитлеровская система!

Приговоренные к смерти сами копают себе могилу.

Лагерь вырос на костях и крови заключенных. Умирили и на работе, и в лагере. Замерзали зимой. Валились от истощения.

Каждый вечер на проверке всех выстраивали и осматривали. Тому, кто с трудом держался на ногах, приказывали: лечь наземь. Несчастные ложились.

Они знали: это смерть. Встать они уже не могли.

Так лежали они всю ночь в поле. Утром их – и мертвых и еще живых – уволакивали прочь. Зацепив крючками, тащили к крематорию или жгли на кострах, - индийским способом: ряд бревен – ряд трупов, и снова ряд бревен – ряд трупов.

Волочить трупы товарищей оккупанты приказывали заключенным. Кто не подчинялся, сам тотчас же становился трупом. Здесь были короткие расправы, в этом лагере уничтожения. Человеческая жизнь стоила дешевле пистолетного патрона. Убивали железными палками.

Заключенные же посылались и на работу в крематорий.

Туда выбирали самых отупевших и уже сломанных людей. Их щедро поили водкой, хорошо кормили. Пьяные, одуревшие от смертного смрада, они, ничего не сознавая, копошились у печей дьявола. Они знали, что через месяц сами пойдут в печь. «Неудобные свидетели», - так эсэсовцы официально называли их.

Ну, что ж. Печь, так печь. Они знали, что все равно печь сожрет их поздно или рано. Из этого лагеря нет выхода. Пусть это будет раньше. И они работали у проклятых печей, заливая душу водкой.

Через месяц их всех отправляли в газовую камеру и затем - в печь...

Ненасытные печи пожирали все. Они дымились круглые сутки. Пять печей сжигали в день тысячу четыреста трупов.

Гитлеровцы думали о строительстве второй очереди лагеря. Им мерещился гигантский комбинат смерти. Если б им дать волю, они всю Польшу превратили бы в крематорий...

Красная Армия стремительным наступлением положила конец этой адской работе печей дьявола.

Пришло время расчета и ответа...

6

Человек, попадая в лагерь на Майданеке, переставал быть человеком; он становился предметом, подлежащим уничтожению. У него отбирали личные вещи, ценности, одежду. У него отнимали имя. Ему выдавали жестяной номер на проволоке для постоянного ношения на шее и полосатое арестантское рваньё. На куртке масляной краской намазывался красный, черный или желтый треугольник и буква, обозначающая национальность заключенного: П. - поляк, Ф. - француз. Национальность определяла отношение к нему тюремщиков. Человек мог забыть в этом лагере собственное имя, что он «славянская свинья», «польская скотина», «руссише швайн» или «юде» - еврей.

С жестяным номерком на шее, с проволокой, вьёвшейся в тело, проходил заключенный весь свой крестный путь от карантина до крематория. Этот путь мог быть очень коротким. Мог растянуться на много долгих месяцев медленного умирания, но он всегда приводил к печам обершарфюрера Мунфельда – к печам дьявола.

Отсюда не выходят.

Из Италии пригнали в лагерь каторжников серных копей. Говорят, эти копи – самое страшное место мира. Но эти итальянцы выжили и в серных коях.

Тогда их прислали в лагерь под Люблином. Здесь они стали быстро умирать. Машина комбината смерти на Майданеке действовала безошибочно и беспощадно, с тупым азартом топора.

Она приходила в движение уже на карантине.

Вновь прибывшие должны были отбывать карантин... в бараке для больных туберкулезом в открытой форме. Двадцати дней карантина было достаточно для самых крепких. Туберкулез теперь просто сидел в них, они несли его дальше, в общие бараки.

В одном только марте 1944 года, по официальным документам администрации лагеря, от туберкулеза умерло 1654 человека. Среди них 67 итальянцев, много поляков, русских, чехов, есть албанцы, югославы, греки, хорваты, словенцы, сербы, литовцы, латыши.

Туберкулез не лечили в лагере. Здесь вообще не лечили. Здесь – убивали. Но лазарет в лагере был, и даже блистающий чистотой, специально для фашистских фотокорреспондентов и все время ожидавшихся, но так ни разу и не приехавших «международных комиссий». В этом лазарете были

аккуратные дощечки на дверях: «аптека», «операционная», но не было самых элементарных медикаментов, самого необходимого инструментария.

Впрочем, это и не было нужно. Среди заключенных жило стойкое убеждение: в лазарет попадать нельзя. Из лазаретов в барак не возвращаются. Если человек хотел протянуть свое земное существование, он должен был скрывать, что он болен!

В лазарете были медицинские весы. Иногда заключенных взвешивали. Зачем? Фашисты любят порядок. Они аккуратно заносили в книгу? Вес заключенного (взрослого) – 32 килограмма.

Тридцать два килограмма – вес взрослого человека! Это вес его костей, обтянутых сухой желтой кожей.

Заключенные получали «суп» из травы, скошенной тут же на поле, у барачков. Эту траву узники Майданека с горьким юмором обреченных называли «витамином СС».

От голода и истощения умирало еще больше, чем от туберкулеза. Люди падали на работе, эсэсовцы добивали их железными палками.

Заключенные-врачи в вечерних рапортчиках скрывали умерших за день. Мертвых не уносили. Живые лежали рядом на одних нарах с мертвецами. На другой день паек мертвецов доставался живым.

7

Человека, заключенного в « лагерь уничтожения», мог убить всякий, принадлежавший к лагерной администрации: начальник картофельного поля Мюллер и самый последний капо. Капо - вспомогательная полиция, набранная из заключенных – уголовников. Капо соревновались в усердии с эсэсовцами. Убийство заключенного не считалось преступлением, оно было доблестью, долгом, службой.

Эсэсовцы хвалились перед гестаповцами своими подвигами в лагере. Гестаповцы не оставались долгу.

У каждого СС, у каждого капо был свой метод истязаний. Один убивал ударом сапога в глотку, другой любил плясать на животе жертвы. Длинная костлявая эсэсовка из женского поля избивала бичом. Она била женщин по соскам, по половым органам, по ягодицам. Ее бич со сладострастным свистом падал на тело. Она была садистка и психопатка и засекала женщин до смерти.

Были среди СС и любители острых шуток. Одни травили заключенных собаками, другие забавлялись у бассейна. Эти заставляли узников нырять в воду и, дождавшись, когда жертва вынырнет, били палкой по голове. Если заключенный не утопал после этого, ему разрешалось выползти из бассейна и одеваться. Одеться он должен был в три секунды. Нет, - снова ныряй в воду, снова удар палкой по голове, снова три секунды на одевание.... И так до тех пор, пока жертвы погибали в бассейне или одевались в три секунды.

Чаще погибали.

-Я видел, - рассказывает Владислав Скавронек, возчик, - я на собственные очи видел, как эсэсовка привела в крематорий шестерых детей: двух мальчиков и четыре девочек. Это были крошки: четыре – лет восьми. Начальник крематория Мунфельд сам раздел их до гола, расстрелял из револьвера и отправил в печь. Я видел потому, что привез доски для склада.

- Я видел, - показывает Веслав Стопыва, - что они сделали с моим знакомым Чеславом Кшечковским. Ему было сорок два года, он был крепкий человек. Но он неровно стоял в строю, и его стал бить гестаповец. Он ударил его ногой в живот.... Потом палкой.... Потом прыгал на его животе.... Но Кшечковский все еще жил. Он был крепкий человек. Тогда гестаповец взял палку с заостренным концом, воткнул Кшечковскому в рот и с силой рванул... Он, разорвал ему все лицо, внутренности... Кшечковский был еще жив. ... Все его тело содрогалось... Его, положили на носилки и унесли в крематорий.

- Я видел, говорит Петр Денисов, - как СС убил человека. Я инженер-люблинец. Работал в лагере по проведению канализации. Этот СС наблюдал за заключенными. Он был совсем мальчик. Девятнадцати-двадцати лет. У него было нежное, женственное лицо. Я бы никогда не подумал, что он СС. Он выбрал среди заключенных одного молодого сильного еврея и сказал ему: нагни голову! Тот нагнул. Тогда СС начал бить его палкой по шее. Еврей упал. « Оттащите его!» - приказал СС. Еврея потащили лицом по земле. По мерзлым грудам.... Был снежок на земле, и он стал красным. Но еврей еще жил. Тогда СС взял бетонную трубу – шестидесяти килограммов – бросил ее на спину еврея. И еще раз и еще... Я услышал страшный хруст костей.... И крик... Я сам закричал.... Я не хочу смотреть, но не смотреть не могу. А этот СС подошел к еврею, поднял палкой веко – мертв.... И закурил.... У него было такое женственное лицо, но оно не побледнело даже.

8

Человека убить легко. Для этого железной палки хватит. Человечество истребить немислимо.

Но именно этой маниакальной идеей задался Гитлер. Истребить все человечество, не угодное ему, непокорное, одухотворенное, свободолюбивое. Или, по крайней мере, истребить все человеческое в оккупированной Европе.

Для свершения такой диверсии против человечества фашистам и понадобились гигантские механизированные комбинаты смерти типа Люблинского лагеря.

Миллионы людей нельзя застрелить из автоматов. Нужен комбинат всех известных людям средств уничтожения.

Это и было сделано в лагере на Майданеке – этом комбинате массового производства смерти.

Расстреливали в лесу. Расстреливали во рвах. Засекали бичами. Травили

собаками. Убивали палками. Дробили черепа. Топили в воде. Запихивали в «душегубки». – Плотнее! Плотнее! – Чтоб больше вошло. Морили голодом. Убивали туберкулезом. Душили в серных бетонных камерах. Напихивали людей побольше. Двести пятьдесят. Триста.- Плотнее! Плотнее! – Душили циклоном. Отравляли хлором. Через стеклянный глазок смотрели, как корчатся умирающие. Строили новую газовую камеру. Душили газом. Жгли на кострах. Жгли в старой крематории. Пропускали поодиночке через узкие двери. Оглушали ударами железной палки. По черепу. Тащили в печь. Мертвых и живых. Потерявших сознание. Старались набить печь плотнее. – Плотнее! Плотнее! – Разрубали трупы. Смотрели через синий глазок в печь, как съеживаются и обугливаются люди. Убивали поодиночке. Убивали партиями. Уничтожали целыми транспортами. Сразу восемнадцать тысяч человек. Пригоняли партии поляков из Родома, евреев из варшавского гетто. Евреев из Люблина. Гнали через лагерь. Окружали собаками и автоматчиками. Щелкали бичами – быстрее! Быстрее!

Через лагерь на пятое поле приходили бесконечные вереницы евреев. Молча. Рядами, взявшись за руки. Дети прижимались к родителям. Молча. Молча. – «Шнель!» - «Быстрее!» - подгоняли гитлеровцы. Рычали собаки. Хлопали бичи. Ряды убыстряли шаг. Задние догоняли передних. Бежали. Спотыкались. Падали. Задыхались.

Вдруг начинали греметь все репродукторы лагеря. Веселые фокстроты, танго. Лагерь замирал от ужаса. Знали: значит, большие расстрелы сегодня. Начинать работать трактор. Фокстрот сменялся румбой.

На пятом поле обреченные раздевались. Догола. До нитки. Все. Мужчины, женщины, дети. Их гнали ко рву. Быстрее! Ложились в рвы. Тело к телу. Покорно. Безропотно. – Плотней! Плотнее! – приказывали палачи. Спрессовывались плотнее. Сплетались. Руки, ноги, головы уже не принадлежали человеку. Они существовали отдельно, придавленные, разбитые. Смятые. На первый ряд ложился второй. Потом третий. Гремели фокстроты в репродукторах. Стучал трактор. Весь ров теперь был до краев наполнен живой, трепетной, стонущей и проклинающей убийц человеческой массой. Автоматчики поливали ров огнем из автоматов.

И все пять печей новой крематории разевали свои жадные пасти. Они работали с адской нагрузкой. И днем и ночью. Тысяча четыреста трупов ежедневно. Мало! Набивали печи плотнее. Вместо шести – семи трупов в печь. Подымали температуру в печах. 1500 градусов. Мало! Убыстряли процесс сжигания: 45 минут. 40, 30, 25. Деформировался кирпич в печах от невероятной жары. Оплавлялись чугунные шибера. Высокая труба крематория дымила круглые сутки. Черный смрад стоял над лагерем смерти.

Ветер с Майданека разносил трупный запах по всей округе.

9

Можно ли было уцелеть в этом лагере уничтожения? Отсюда не выходят.

Многие сами искали смерти, чтобы прекратить бесконечные муки. Бросались на электрифицированную проволоку и умирали на ней, почернев и скрючившись.

Инженер Денисов рассказал нам еще и о таком случае добровольной смерти, происшедшей на его глазах.

Двое заключенных подошли к эсэсовцу и попросили повесить их.

- Повесьте нас!

Эсэсовец удивленно посмотрел на них и усмехнулся.

-Яволь. Пожалуйста.

Он сделал петлю, сам накинул ее на шею желающему умереть, поставил его у рва, бросил концы веревки двум своим помощникам и, крикнул им: «держите крепче», ударил заключенного ногой под колено. Тот упал в ров, подергался в петле и умер.

Второй заключенный немедленно подошел ко рву. Он сам расстегнул свой воротник, сам надел петлю на шею, оттолкнулся – и последовал за товарищем.

Мы нашли на стене барака две карандашные надписи. Первая:» Ваня Иванов дурак в том, что не может себе ничего сделать» и вторая – словно отвечая на первую: «Умри так, чтобы от смерти твоей была польза».

Можно ли было убежать из лагеря?

Мы слышали о «штурме лопатами» и о «побеге восьмидесяти». В обоих случаях действуют русские пленные. Видно, русскому, советскому человеку наиболее присущ дух борьбы за свободу.

«Штурм лопатами! Произошел в Крембецком лесу, где работали военнопленные из лагеря. Семнадцать русских лопатами убили вражескую охрану и убежали.

«Побег 80-ти» произошел позже. Ему предшествовал настоящий митинг в бараке. Обсуждалось: бежать или не бежать. Восемьдесят решили бежать, пятьдесят – остаться.

Решили бежать ночью. Оставшиеся обещали не выдавать. И не выдали. Ночью побег состоялся. Набросив, пять одеял на проволоку (тогда еще не электрифицированную), пленные переползли через нее и убежали.

Оставшиеся в ту же ночь фашисты вывели из барака и расстреляли.

Я знаю еще один случай побега. Его совершил люблинец Давидсон, еврей. Он бежал в тот момент, когда их гнали из лагеря на работу. Он знал, что его и без побега застрелят. Ему не из чего было выбирать. Он побежал, ожидая пули в затылок. Но пуля миновала его. Он спасся.

Его приютила знакомая польская семья. Два года и тридцать дней – вплоть до прихода наших войск в Люблин – поляки скрывали еврея у себя на чердаке и кормили его. Все эти два года и тридцать дней он пролежал влежку, чтобы шумом шагов не выдать себя и семью, его приютившую. Все эти два года он никого не видел, ни с кем не разговаривал. Он отвык от солнечного света. Но он сохранил жизнь. Мы видели его.

И так же, как он на своем чердаке, так и тысячи людей в лагере жили смутной надеждой...

Мы видели на стене барака в лагере, рисунок синим карандашом. Без подписи. Без текста. Рисунок изображал простой и тихий украинский пейзаж. Сколько горькой тоски по родине, по вольной волюшке было в этом рисунке! Сколько надежды!

Да! Даже здесь, в лагере уничтожения, люди продолжали надеяться. Свои надежды они связывали с наступлением Красной Армии. Красная Армия не обманула их надежд.

10

Сейчас на Майданек приходят тысячи люблинцев. Приходят увидеть страшный лагерь.

Три года был он их кошмаром. Три года дышали они трупным запахом его печей. Пять лет жили под кнутом оккупанта.

Черным смрадом и тайной был окутан этот лагерь смерти. Теперь нет больше тайн. Вот печи дьявола. Вот рвы, где расстреливали. Вот останки полусожженных трупов в крематории.

Люди смотрят и уже не плачут. Все слезы выплаканы. Слез больше нет. Толпа кричит.

Во рву работают гитлеровцы, захваченные в лагере. Палачей заставили выкопать трупы их жертв. Глухо звенят лопаты о землю. Палачи работают молча. Они только вздрагивают, когда слышат яростный рев толпы, и еще ниже склоняются к своим лопатам.

Толпа кричит.

Лопаты стучат о землю. С ужасом вскрикивает женщина. Из груды развороченной глины рва выглянула ножка ребенка.

-Убийцы! – стонет толпа. – О! Убийцы!

Мимо проводят пленных фашистов, солдат и офицеров. Их больше восьмисот. Чтоб оградить их от народной ярости, их ведут по другой стороне рва. Конвоиры показывают им дело их рук. Труп ребенка уже весь извлечен из земли и положен рядом с другими трупами. Фашисты молча идут мимо. Одни – отворачиваются. Другие – тупо рассматривают трупы.

-Бандиты! – кричит им толпа. – Убийцы!

Толпа густеет. С дороги из окрестных сел сбегаются люди. Только ров отделяет людей от их палачей. Во рву среди трупов замученных – маленький детский трупик.

Гитлеровцы идут, согнув шеи, уткнув глаза в землю. Руки – за спиной. Толпа неистовствует.словно хлыст, свистят и падают на спины убийц ее крики:

-Убийцы! Дегенераты! Садисты!

Старик поляк Петр Рожанский подымает палку над головой и кричит:

- Чем, чем вы заплатите мне за моего сына? Чем?

11

Снова стучит в окна ветер с Майданека: помни о печах дьявола, поляк, помни о лагере смерти! Помни о миллионах замученных, расстрелянных, сожженных! Помни и мсти!

На площадь перед замком Люблинским стекаются огромные толпы. Поклониться праху мучеников.

Хор поет «Богородицу» - молитву, с которой шло Войско Польское на поля Грюнвальда бить врагов.

Рыдает площадь... Девочки в белых платьях, несут венки на могилы. Припали к земле женщины в черном – вдовы замученных.

Обнажив головы, стоят солдаты Войска Польского. Взяли винтовки на караул бойцы Красной Армии.

Торжественно-траурную мессу служит ксендз Крушинский. Перед прахом мучеников он призывает соотечественников к единению. Член Польского Комитета Национального Освобождения В. Ржимовский открывает мемориальную доску на стене Люблинского замка. На ней краткая надпись:

«Миллионам жертв, замученных немецкими преступниками на Майданеке
и Замке. 6 августа 1944 года Польский народ»

Бывшие заключенные несут урну. В ней – пепел из крематория Майданека. Урна замуровывается в стену замка. Делегация Красной Армии возлагает венки от армии и правительства СССР.

Двадцать пять тысяч собравшихся на площади поют старую антифашистскую песню «Рота».

На крови мучеников, в огне борьбы, в братском союзе с советским народами встает из пепла новая, свободная Польша.

Заключение

XX век вошел в историю человечества прежде всего как век кровавых событий двух мировых войн – это людские потери, материальный ущерб и страдания сотен миллионов людей. Извечная борьба добра и зла в общественной жизни в XX веке выразилась в столкновении тоталитаризма и демократии, альтернатив развития и модернизации обществ – реформы или революции.

Важнейший итог войны – разгром нацистской Германии, фашистской Италии и империалистической Японии, государств-захватчиков, где сложились тоталитарные режимы. Изменилась мировая геополитическая ситуация.

Для Европы и мира открылась возможность новых путей развития.

Вторая мировая война по своим человеческим жертвам и материальным потерям во много раз превосходит жертвы и материальный ущерб первой мировой войны.

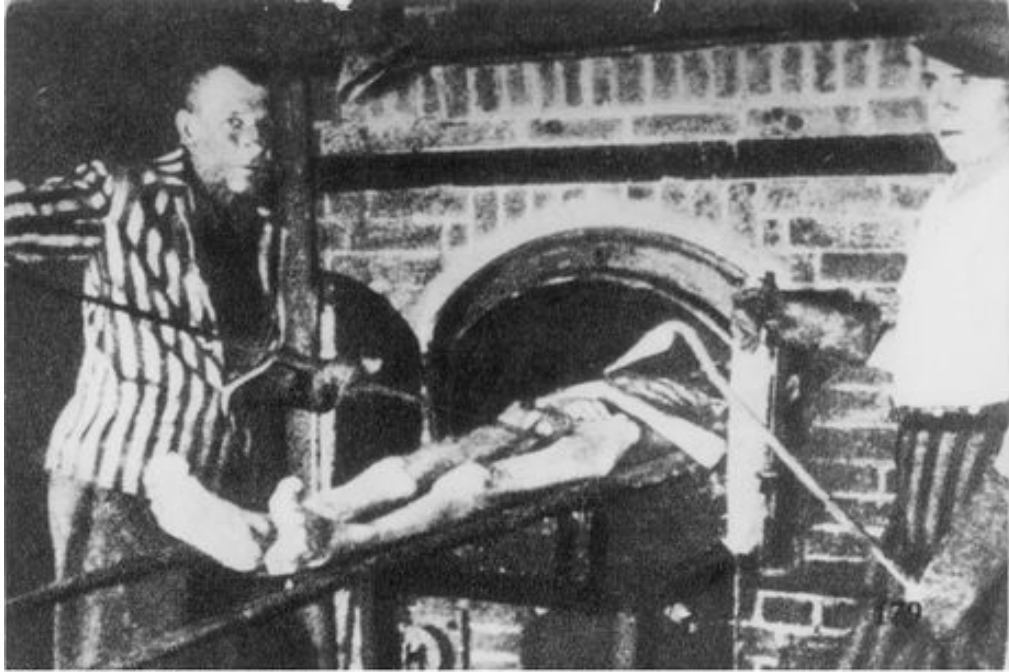
В этой войне применялись те же средства вооружения, что и в первой мировой войне – скорострельное стрелковое оружие, гранаты, мины, бомбы, пулеметы, артиллерия, самолеты, танки, броневики, огнеметы, но по своей убойной силе эти орудия войны во много раз превосходили вооружение армий первой мировой войны.

Сколько человек погибло от бомбардировок, голода, болезней, точно подсчитать не удастся. Фашисты проводили политику сознательного уничтожения целых народов в концентрационных лагерях (Холокост, геноцид). Из примерно 50-60 млн. человек общего числа жертв второй мировой войны более половины гражданское население. Около 20 млн. человек – это число погибших в боевых действиях. Общие военные расходы периода войны составили 1 трлн.154 млрд. долларов. И это без учета утраченного имущества и разрушений.

Вот она - страшная реальность войны...

Литература

1. О. С. Сороко-цюпа, В.П. Смирнов, А.И. Строганов
« Мир в XX веке» Москва. «Дрофа» 2001г.
2. О.С Сороко-цюпа, А.О Сороко-цюпа.
«Новейшая история» Москва «Просвещение» 2008г.
3. Сборник « От советского информбюро... 1941-1945 г.»
Публицистика и очерки военных лет.
4. Сборник « 1418 дней войны»
Москва Издательство политической литературы 1990г.
5. Интернет-ресурс www.google.ru

Bundesarchiv, Bild 103-102906
Foto: o. Ang. | 1945 Mai - Juni

